

Иван Бутаков

Необыкновенное
путешествие Таисии

12+

Иван БУТАКОВ

**Необыкновенное
путешествие Таисии**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Бутаков И.

Необыкновенное путешествие Таисии / И. Бутаков — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Таисия - подросток, переживающий уход отца и непростые отношения с матерью. Она сбегает из дома и отправляется в путешествие, которое ведет ее вглубь своего подсознания, где она борется со своими страхами и злостью, не желающими отпускать ее назад. Книга о взаимоотношениях детей и родителей. О том как важно переступить через свою гордость и победить страх. Так же как и сказать родному человеку, что любишь его.

Содержание

1	5
2	6
3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

1

Буревестник летел меж гор, там, где яркое солнце и тихий ветер. Вода блестела под ним, переливалась и сверкала в ярких лучах, лившихся с неба. Солнце грело. Он никогда еще не поднимался так высоко. Все выше и выше, ловя теплые потоки, взмывал под самые облака, и вновь устремлялся к воде, маленьким белоснежным облаком оторвавшись от неба. Его полет был настолько легок, что он казался невесомым, словно перо, поднятое порывом ветра. И в то же время, на пике своей скорости, он был неуловим взглядом. Чистыми, заложенными самой матерью природой, мыслями он был убежден, что нужен и яркому солнцу, и шепчущему ветру, и воде, игриво поблескивающей его отражением. Что важен каждый его взмах крыла, каждый пойманный им поток теплого воздуха, каждое его прикосновение к большой воде, оставляющее за собой рябь. Подобно этой ряби колышется воздух, разгоняемый в ветра, и тень, везде следующая за ним. Яркая черная тень. Даже самые белые ангелы отбрасывают черную тень. Она то отставала от него, то опять догоняла. Пока не стала тусклой и еле зримой. Вслед за тенью спряталось солнце. Оно просто отвернулось от него. Оно не светило и не грело. Небо стало серым. Белоснежные перья его потускнели. Потускнел и взгляд, он все еще искал, но уже не знал чего именно. В одно короткое мгновение он перестал что-то значить, его полет потерял всякий смысл. Холод пронизывал его тонкую кожу. Большая вода уже не играла с его отражением, она бурлила и поднималась, пытаясь выбросить его подальше от себя. И когда он подлетел слишком близко, она обожгла его своим ледяным прикосновением. Он дернулся, и чуть было не провалился, но удержался. Его полет перестал быть красивым, он устал. Быстро размахивая крыльями, он отрывался от большой воды, пока она пыталась схватить его за лапы и хвост. Шел дождь, и ледяной ветер иглами протыкал его пернатое тело насквозь, вшивая под кожу чувство вины и неуверенности. Он научился обходиться без солнца. Он больше не ждал и не искал его тепла...

2

Торопливой походкой она пробиралась сквозь толпу, сжимая в руке только что купленный билет. Пройдя на нужную платформу, Таисия ускорила шаг. Поезд вот-вот должен был отправиться, и она, найдя свой вагон, тут же ринулась внутрь, примкнув к последнему опоздавшему пассажиру. Поезд тронулся. В проходах еще толпились люди. Кто-то махал в окно провожающим, кто-то недовольно ожидал, когда сосед распахнет свои чемоданы, освободив ему место. Она снова посмотрела на билет и свернула в купе за идущим впереди джентльменом. О том, что он был джентльменом, она поняла, когда, прежде чем войти в купе, он пропустил ее вперед, да еще и предложил помочь с рюкзаком, который девочка вероломно швырнула в угол, чего мужчина, как истинный джентльмен, не заметил. Он снял пальто и аккуратно повесил его на плечики, в то время как куртка Таисии комом полетела вслед за рюкзаком.

Нижнее место, разочарованно подметила Таисия, и тут же успокоила себя тем, что хотя бы оно по ходу движения. За окном, за которым плавно пробегали столбы, пролетали мелкие кристаллики первого снега. Сидевший напротив бросил недоверчивый взгляд на попутчицу и, раскрыв перед собой газету, предался изучению свежих новостей. Над ним торчала чья-то покатая спина, и раздавался легкий храп. Дверь в купе раздвинулась, и в проходе появилась проводница. Она окинула пассажиров уставшим взглядом, ненадолго остановив его на спящем мужчине.

– Не спим, – сказала она хрипя. – Документы показываем. Не успели отъехать, а он уже дрыхнет. Знаю я вас, притворитесь спящими и едете себе зайцами.

Женщина продолжала ворчать, разглядывая документы, протянутые ей джентльменом с нижней полки.

– Дочери где документы? – резко спросила проводница, строго глядя то на него, то на Таисию. Мужчина испуганно глянул на женщину.

– Я одна, – ответила Таисия, облегчив приступ неловкости молодого джентльмена.

– Как одна? – сердито выпучила глаза проводница.

– Вот так, одна. Имею право – мне уже четырнадцать, – гордо объявила Таисия и, решив что это прозвучало не очень убедительно, добавила: – И три месяца.

– Поговори еще, имеет она право. Знаем мы таких – потом проблем не оберешься.

Она сверлила девочку своим тяжелым уставшим взглядом, оперевшись одной рукой в верхнюю койку, где по-прежнему раздавался едва слышимый храп, а другую уперев себе в бок.

– Что вы так на меня смотрите, я уже не маленькая. Вот, у меня даже паспорт есть, – Таисия протянула паспорт проводнице.

– И куда же ты едешь?

– К бабушке, она приболела, а маме некогда из-за работы...

– Тоже мне красная шапочка.

– Простите, что вмешиваюсь, мадам, но, по-моему, детям без родителей можно ездить в поезде с десяти лет, – произнес джентльмен.

– Какая ж я тебе мадам? – усмехнулась женщина. Мамамы все в Париже. Во дает, фрукт. Ладно, – обратилась она вновь к Таисии и, строго пригрозив пальцем, предупредила.

– Смотри мне, чтоб никаких с тобой проблем не было, а то знаю я вас, молодежь, вечно во что-нибудь влезаете.

Женщина повернулась к спящему, и что было сил треснула по его койке.

– Эй, месье! Документы показываем! – скомандовала она, отчего мужчина резко подпрыгнул и завертелся. Не сразу поняв, что происходит, он быстро достал документы и, получив их обратно, тут же вернулся ко сну.

Какое-то время ехали молча. Смущенный насмешливым поведением женщины джентльмен украдкой поглядывал на Таисию, силясь начать разговор.

– Знаете, я только неделю как вернулся из Франции и еще не успел избавиться от некоторых привычек, – попытался оправдать он свое смущение.

– Что? – отозвалась девочка, оторвавшись от окна. Она так сильно задумалась, что едва слышала собеседника.

Половина его слов так и не удостоились внимания Таисии и, не найдя себе применения, растворились в душном воздухе вагона. Мужчина представился, но, то ли имя было слишком сложным, то ли наоборот, распространенным и простым, что нисколько не задержалось в голове девочки. Представляясь в ответ, она перебирала в уме все имена, что знает, накладывая их на собеседника.

– ... Таисия, интересное у вас имя, довольно редкое, – прокомментировал мужчина. – Очень похвально, что ухаживаете за бабушкой.

– А вы куда едете? – быстро перевела тему девочка.

– А я еду навестить отца. Не видел его с тех пор, как уехал во Францию, около года назад.

– Вы так долго жили во Франции? – заинтересовалась Таисия.

– Да, жил и работал.

– Что же вы не остались тогда там?

– Думал, но оказался не готов к таким кардинальным переменам.

– А что к ним готовиться, остался и все, – удивилась Таисия.

Она никогда не понимала эту нерешительность взрослых. Ее дядя, сколько она себя помнит, всегда жаловался, что его не устраивает его работа, здешний климат и еще много чего, включая людей вокруг. Во всех его историях, они всегда были глупее его, но, как ни странно – успешнее. Однажды, она спросила его, почему он никуда не уедет, где его бы все, ну или хотя бы что-то, устраивало, на что дядя опечаленно ответил риторическим вопросом "кому я там нужен?".

– Пожалуй, это не так просто объяснить. Да и к тому же, я закончил работу и получил много заказов дома, где после поездки моя популярность выросла, – рассказал мужчина.

– А чем вы занимаетесь? – спросила Таисия.

– Я скульптор, – ответил безмянный джентльмен.

– Ого, – удивилась девочка. – Вы что прямо памятники делаете?

– И их тоже, но сейчас мы закончили работу над оформлением школы-интерната. Один мой хороший друг решил открыть такую школу для детей сирот, и позвал меня помочь. Я украсил сад и школьный двор своими лучшими работами. Надо сказать, получилось лучше чем на эскизах. В жизни не испытывал такого сильного удовлетворения от проделанной работы. Может дело в детях, когда делаешь что-то для детей, все материальное уходит в сторону, только душа. Ты представляешь их улыбки, желая сделать их жизнь хоть сколько-нибудь красивее и волшебнее.

– А что если им не понравится? – спросила Таисия.

– Что?

– Ну, статуи эти ваши, и сад. Возле моего дома, на площади, стоят бронзовые фигуры, и надо сказать они не пользуются такой уж популярностью. Кто-то что-то подрисовал, кто-то нацарапал, а некоторые детали вообще украли, у дворника метлу, а у художника мольберт.

– От этого никуда не денешься, всегда будут те кто создают и те кто разрушают.

– Тех кто разрушает – больше.

– Зря ты так думаешь.

– Вы думаете иначе?

Дверь в купе раздвинулась, и в проходе вновь возникла фигура проводницы.

– Вы белье брать будете? – небрежно спросила она, на что Таисия и скульптор утвердительно мотнули головами.

– Ну, тогда идите за ним, здесь вам не отель, – и она тут же ушла, ворча что-то себе под нос.

Мужчина сконфузился и, тут же покраснев, направился за бельем.

Вот это женщина, всех мужчин держит в страхе, подумала Таисия и, не успев встать, почувствовала как в кармане вибрирует телефон. Мгновенно подскочив, она вытащила его из тесного кармана джинс. Это была лучшая подруга Таисии – Зоя. Ее пронзительный голос зазвучал раньше, чем девочка успела поднести телефон к уху.

– Тай, ну ты где? Мы же договорились в десять у меня, уже одиннадцать почти, тебя все нет...

Зоя говорила быстро, но очень четко. На зависть теле- или радио-ведущим, она выговаривала сложнейшие скороговорки. Но стоило ей заволноваться, как скорость ее речи заметно падала, появлялись большие паузы, во время которых ее мозг выуживал нужную мысль из всего многообразного потока, вулканом разразившегося у нее в голове. А дальше, как в лотерее, какая мысль покажется ей более привлекательной, или просто какую успеет разглядеть наилучшим образом, с той она и обрушится на тебя, обидевшись или разозлившись. Вот и сейчас, не дав опомниться подруге, она обвинила ее в том, что та хочет, чтобы ее исключили из школы, когда вся ее успеваемость пойдет под откос из-за проваленной контрольной по математике.

– Зой, извини, – выдавила, наконец, из себя Таисия. – Но сегодня, тебе придется как-нибудь самой подготовиться.

Выждав неловкую паузу, в ходе которой девочка отчетливо представила недоуменное лицо подруги, Таисия продолжила говорить.

– Я еду к бабушке.

– Как? Что-нибудь случилось?

– Нет, все хорошо. Я тебе позже все объясню.

– Так не честно, Тая, начала так говори, я же вижу, что что-то не так, – не успокаивалась девочка.

– Сейчас не могу. Я в поезде еду, и мне неудобно говорить.

– Ты что сама им управляешь?

– Сдурела? Нет, конечно.

– Тогда ... постой, ты что – одна едешь в поезде? – спрашивала Зоя, должно быть уже стоя.

– Да, одна, – ответила Таисия спокойно.

– Обалдеть, – воскликнула Зоя. – Я никогда еще одна не путешествовала на поезде. Как тебя мама только отпустила? Она у тебя такая строгая.

– Отпустила и все, что здесь такого. Слушай, Зоя, у меня только к тебе просьба.

– Говори.

– Ты об этом только никому не рассказывай.

– О чем?

– О том, что я еду и куда.

– Ну, хорошо, – осторожно ответила девочка, прикидывая в голове – насколько просто это будет сделать.

– Ладно, мне пора, я тебе позже позвоню. Удачи тебе с контрольной, и помни – никому не слова, ни в школе, ни дома.

Закончив разговор, Таисия написала что-то в телефоне, после чего сунула его обратно в карман. В это время вернулся джентльмен-скульптор, имя которого крутилось у девочки на языке, но никак не всплывало в памяти. Он учтиво передал ей комплект спального белья и еще один, положил спящему на верхней полке господину.

Зоя еще долго стояла у окна, вглядываясь вдаль, представляя, как Тая одна едет на поезде. Стук колес, запах железной дороги – романтика. Даже звук уведомления о новом сообщении, и тот не сумел вывести ее из этого состояния. В голове продолжали стучать колеса, помноженные на количество вагонов и поезд, выехавший из пункта А в Б... Математика! Вот что холодом пробежало по спине девочки, и она тут же вернулась к учебнику. Периметры, квадраты, бригады, производящие детали по нечетным дням, коровы дающие молоко. От всего этого хотелось взвыть.

Проведя долгое время в унынии и, наравив самое удобное число задач, деление на которое невозможно, Зоя подняла голову от учебника. Ну все, пора, сказала она себе, и быстро собравшись выбежала из квартиры.

Первый снег медленно парил в воздухе и мягко опускался на землю. Природа стремительно готовилась ко сну, оставались последние штрихи к приходу зимы. Хуже всего была длинная дождливая осень. Кругом лужи, грязь и постоянно промокшие ноги. Отсюда насморк, кашель, плохое настроение от вечно затянутого тучами неба. И все таки лето – есть лето, подумала девочка, заходя в школу в плотном потоке детей. Сняв шапку, она ужаснулась своим взъерошенным в разные стороны кудрям. Еще одно препятствие для хорошего расположения духа. Надевать шапку – это целое искусство. Необходимо подобрать нужный угол, повернуть куда надо, и быть может – тебе повезет, и твоя голова не будет напоминать гнездо.

Зоя зашла в класс одной из первых. Она терпеть не могла опаздывать. Все сразу начинают на тебя смотреть, будто только о тебе говорили, и даже учитель стирает с доски твой портрет, нарисованный в качестве примера. Девочка окинула взглядом соседнее место, которое сегодня будет не занято и, достав телефон, обнаружила непрочитанное сообщение.

"И моей маме тоже ни слова!" – гласило сообщение написанное Таисией. Задумавшись над смыслом написанного, Зою вдруг бросило в жар. "В смысле?!". Быстро написала она в ответе. Терпеть не было сил, поэтому она следом отправила все интересующие вопросы подряд: "Мама, что не в курсе? Как же она тебя отпустила? Она, что не отпускала тебя? Ты что уроки прогуливаешь? Что ты скажешь в школе? Что мне говорить всем?"

Девочка сидела, подперев руками голову, не отрывая глаз от телефона, когда класс постепенно заполнился учениками.

– А Тая где? – раздался голос Мишки за спиной.

– А тебе зачем? Списывать не у кого? – ехидно ушла от ответа Зоя. Она ровно, как и весь класс, знала, что он влюблен в ее подругу. Милый, безобидный паренек с рыжей копной волос и веснушками на носу, сделался еще рыжее от стеснения.

– Просто интересно, – обиженно произнес он.

– Интересно, так позвони ей сам и спроси, – продолжала Зоя наступление, удивляясь и стыдясь своей грубости, но этот допрос был сейчас настолько неуместен и неудобен, что она, тут же, мысленно себя простила.

Прозвенел звонок, девочка подняла голову. Учителя по-прежнему не было на месте. Хотя какая-то хорошая новость за сегодня. Представленные сами себе дети, разбрелись по классу – кто куда. Зоя в прежней позе гипнотизировала телефон, мысленно призывая его пополниться новым сообщением. Наконец, не выдержав, она набрала номер Таисии, но несколько попыток никуда не привели – абонент оказался вне зоны действия сети.

3

Поезд совершил свою первую остановку, пыхтя въехав на старенькую невзрачную станцию. Людей на ней было немного, они торопливо заскакивали в поезд подгоняемые ледяным ветром. В вагон Таисии вошел лишь один пассажир, шаги пронесли по железному настилу тамбура и тут же перешли в коридор. Девочке ужасно не хотелось, чтобы эти шаги остановились около ее купе. Хотя она и понимала, что это довольно глупо, но никак не могла понять истинную природу этих чувств. Может виной был страх толпы, может постоянное стремление побыть одной, а может просто стеснение перед незнакомыми людьми. Так или иначе, но случилось, то чего она боялась. Шаги приблизились к купе, и в дверях появился мужчина с небольшим чемоданом в руках. Он окинул присутствующих быстрым взглядом, неохотно поздоровался и, глянув на свой билет, недовольно фыркнул. Не смотря на вполне среднюю комплекцию и возраст, он, вздыхая, с трудом поднялся на свою полку, всем своим видом показывая недовольство доставшимся ему местом. Таисия же наоборот, любила ездить на верхних местах, но поймав себя на мысли, что охотно поменялась бы с новым соседом местом, поначалу отложила ее, а позже и вовсе отогнала прочь. С некоторыми людьми вообще лучше не связываться, думала она. Мужчина как раз подходил под категорию тех самых "некоторых". Острые черты лица и орлиный взгляд, выдавали в нем персону достаточно дотошную, а очки, как нельзя лучше добавляли его образу интеллигентности. Чем-то он был похож на учителя, и не на какого угодно, а учителя Таисии по географии. Заносчивый, если не сказать противный, напыщенный как павлин. Есть два типа учителей – которые получают удовольствие, давая новые знания, и искренний восторг, ставя отлично за ответ и такие, как их учитель по географии, Федор Алексеевич, который получает удовольствие ставя двойки и тройки. Совсем недавно, буквально на прошлой неделе, он влепил Тае двойку за устный опрос. Есть такие учителя, которые терпеть не могут, когда у тебя есть свое мнение. Неоднократно, девочка с бойким характером и ранимой душой, страдала именно из-за этого. Пройдясь по странам Африки, учитель попросил девочку назвать столицу Австралии, после чего довольно потер руки и откинулся в кресле. Вопрос был явно с подвохом. В голове крутилось два возможных варианта Сидней и Мельбурн, но оба они легли неудовлетворительной оценкой в дневнике, а столицей оказалась какая-то Канберра. Звучало так, будто учитель только что это придумал, хоть и было абсолютной правдой.

Прямо над головой Таисии свесились две ноги новоиспеченного соседа. Девочку это сильно разозлило, но, не подав вида, она отсела поближе к окну и достала телефон, вибрирующий минуту назад.

Судя по полученным сообщениям, Зоя была в панике. Девочка не знала, что ей говорить остальным, и сейчас, должно быть, сидела молча, не произнося ни слова даже под пытками, в ожидании ответа от подруги.

"Скажи, что я заболела!" – отправила ответ подруге Таисия.

"Чем?"

"Не знаю. Придумай что-нибудь. У тебя мама доктор."

"Она ветеринар".

"Скажи, что у меня ветрянки".

"А маме твоей тоже самое сказать?"

"Не думаю, что тебе придется что-нибудь ей говорить".

"Ты мне можешь объяснить, что произошло у тебя?"

"Все нормально. Лучше скажи – как там математика?"

"Математика заболела. Контрольную отменили".

Над головой вновь послышалось кряхтение, и мужчина похожий на учителя географии спустился вниз.

– Можно тут присесть? – спросил он джентльмена скульптора, указывая на его место рядом со столом.

– Конечно, присаживайтесь, – учтиво произнес тот.

Мужчина тут же устроился у окна, поместив на столе перед собой небольшой кейс для обедов. Купе быстро наполнилось запахом мандарин. Девочка предпочла продолжить переписку с подругой, чем смотреть, как копия ее учителя расправляется с фруктами, тем более, что она ужасно проголодалась к этому времени. Закончив трапезничать, мужчина вытер салфеткой свои маленькие усики и уткнулся в газету рядом сидящего скульптора. Тот старался не подавать вида, но на его лице невооруженным взглядом читалось недоумение столь беспрепятственным вмешательством в его личное пространство.

– Ха, – усмехнулся клон учителя. – У вас газета вчерашняя.

– Я знаю. И что?

– Обещали потепление, а оно вот как – первый снег пошел и холод, аж кости ломит.

– Может к вечеру растеплеется, – предположил скульптор.

– Неа, – категорично отрезал собеседник. – Скоро будет буря, каких не было давно. Лет пятьдесят точно не было.

– Зима скоро, чего тут удивляться.

– Дело даже не в зиме. Вот в прошлом году была зима, но какая-то мягкая. Вспомните.

– Прошлую зиму я провел во Франции, по работе.

– Интересная у вас должно быть работа.

– Я скульптор.

– Ого. И что же вы там строили?

– Я скульптор, а не строитель, – слегка раздраженно ответил джентльмен.

– Пардон. И что же вы там скульптурили?

Мужчина вздохнул, ему явно было не по душе общение с таким собеседником. Но, все же, он рассказал ему тоже, что и до этого рассказывал Таисии.

– Пф, – презренно выдохнул клон-учитель. – Зачем детям эти ваши фигурки?

Скульптор удивился столь надменной реакции и даже не нашел, что сказать.

– Они им не нужны, – продолжил неприятель.

Таисии даже стало жалко джентльмена, ей так хотелось утереть нос этому Федору Алексеевичу подобному, но больше всего она не хотела связываться с ним, поэтому продолжала делать вид, будто пишет что-то в телефоне.

– Дети портят все, к чему могут прикоснуться, интуитивно. Вы думаете, ваши фигурки простоят неоскверненными хотя бы неделю? – мужчина вопросительно посмотрел на скульптора.

– Я думаю это дело воспитания, – спокойно ответил джентльмен.

– Я думаю это дело воспитания, – спародировал его клон, и это было так грубо, что скульптор оторопел. – Что вы знаете про воспитание? Наверняка у вас и детей своих то нет.

– Да что на вас нашло?! – воскликнул скульптор. – К чему весь этот спор?

– Да к тому, что вы даете детям то, без чего они могут вполне обойтись. Это все равно что подарить тигру ромашки, только потому что они нравятся вам.

– И что же вы предлагаете?

– Дети должны жить отдельно от взрослых. Обходиться без их вмешательства, учиться тому, что они считают необходимым, слушать волю своего сердца, а не идти на поводу у чьих-то удобно сложившихся укладов. Жизнь гораздо сложнее и интереснее, чем та, что взрослые внушают им, гораздо таинственнее и опаснее, чем та, которую может воспринять и увидеть сознание взрослого.

Голос его становился тише, но при этом яснее с каждым произнесенным словом, вырвавшимся на свободу и заполнившим собой все звуковое пространство. Джентльмен и Таисия

внимательно смотрели на говорящего. Все остальное исчезло для них, стук колес будто замер, пронсящий за окном пейзаж застыл одной размазанной картиной, плач ребенка где-то за стенами купе, и бесконечные шаги пассажиров. Все вокруг поглотили эти слова, донесенные напрямую в каждую клетку мозга, осев в самом сердце.

– А вы, что об этом думаете? – обратился он к Таисии.

Девочка оторопела. Она не знала, что ответить, и лишь пожала плечами. Тогда мужчина встал, достал с верхней полки свой дипломат и, расположив его на столе перед Таисией, одним движением отстегнул замок и открыл его. Посередине, на красной бархатной обивке лежало небольшое белое перо. Мужчина бережно протянул его девочке.

– Когда придет время, – обратился он к ней. – Ты сделаешь свой выбор, и используешь его. Понимаешь?

Девочка утвердительно покачала головой, не понимая, зачем она это сделала и что именно должна понять, приняла подарок.

– А теперь прошу меня простить, моя остановка на подходе, – и он ни говоря больше ни слова, вышел из купе, прихватив с собой свой кейс.

Дверь в купе захлопнулась и все вокруг вновь загудело. По-прежнему находясь в оцепенении, Таисия прислушивалась к происходящему вокруг, будто слышала все это впервые. Стук и скрежет колес, шаги в коридоре, звон ложки в стеклянной посуде. За окном вновь замелькал пейзаж с пролетающим белым снегом. Девочка перевела взгляд от окна, напротив, все так же спокойно и непринужденно, закинув ногу на ногу и уткнувшись в газету, сидел скульптор.

– Какой-то странный тип, – поделилась девочка впечатлением.

– Кто? – слегка удивившись спросил мужчина, и не получив ответа, вернулся к своей газете.

От волнения девочка еще сильнее проголодалась. Запахи по-прежнему летали по купе, нагоняя зверский аппетит, казалось вместо того чтобы раствориться в душном воздухе вагона, они приобретали все новые и новые оттенки. Таисия закрыла глаза. Вдохнув полной грудью, она почувствовала запах запеченной утки, приготовленной ее мамой, запах позапрошлого Рождества, который она никогда не забудет. Еще два года назад, все казалось другим. Мир вокруг шел в такт мечтам о прекрасном, пусть даже о чем-то глупом и нелепом.

В то необыкновенное утро Таисия проснулась переполненная беспричинной радостью. Впрочем, само утро Рождества уже можно отнести к веской причине. Раскинув руки и ноги в стороны, девочка хорошенько потянулась на кровати, изобразив при этом снежного ангела. Родители уже давно не спали. С кухни доносилось шипение сковороды и запах маминых блинов. Папа всюду занимался ремонтом будущей комнаты Таисии.

Зевая, девочка поднялась с кровати и раздвинула в стороны плотные портьеры, заполнив комнату солнечным светом. Опершись на подоконник, она стала любоваться пейзажем, открывая что-то новое и необычное в этом совершенно непривычном виде из окна. Самым диковинным было количество снега. Его было так много, он заполнял всю улицу, деревья и машины, некоторые из которых стояли в виде огромных сугробов. По узеньким натоптаным дорожкам пробирались фигуры людей.

– Таисия, – послышался голос мамы за спиной. – А, ты уже встала. Доброе утро. Пойдем скорее умываться и завтракать.

– Доброе утро, мамуль. Уже иду.

В соседней комнате, с деловитым видом профессора, разглядывал стены папа. О чем-то сильно задумавшись, он не заметил, как к нему подкралась дочь, и с криком "доброе утро", кинулась ему на шею.

– Доброе утро, принцесса. Думаю, сегодня мы наконец поклеим обои в твоей комнате.

– Я думала, мы должны были сделать это еще в прошлом году, – улыбнулась Таисия.

– Ах, вот оно что! – шутливо вскричал отец и, запрокинув руки за спину, принялся щеко-
тать дочь.

На пороге появилась мама. На ней был фартук. Она редко его надевала. В основном, когда это происходило, можно было предугадать, что она затеяла что-нибудь сногшибательное, и снимала она его, как правило, далеко после обеда. Так что Таисия с папой тут же сделали вывод, что чудесные блинчики с творогом это лишь только начало.

– Мы с вами так и не определились с диваном в гостиную, – сказала мама, когда вся семья собралась к завтраку.

– Думаю тот коричневый, на левый угол, подошел бы идеальнее всего, – резюмировал папа.

– Согласна, – поддержала Таисия, задорно вскинув обе руки вверх.

Мама улыбнулась и вновь приняла задумчивый вид.

– Тогда нам не подойдет тот шкаф, который мы хотим, – проговорила она, отпив из кружки немного кофе.

– Я думаю лучше того дивана нам уже не найти, – сказал папа. – А шкаф – так, можно и тот первый.

– Первый не подойдет к обоям.

– Значит, выберем те, что подойдут.

– Да, мам. Соглашайся! – умоляюще взглянула на нее дочь.

– Даже не знаю, все у вас вечно просто.

Сказав это, она встала и поставила на стол еще партию блинчиков. Папа подмигнул Таисии, вопрос был решен, но мама по-прежнему задумчиво смотрела в свою кружку.

– Ну что ты переживаешь? – ласково принялся успокаивать ее муж. – Все хорошо. Вартовск вполне неплох. Уж зима здесь точно настоящая, ты посмотри в окно, сколько снега. За всю прошлую зиму в Москве выпало меньше, чем за вчерашнюю ночь. А наш позапрошлый новый год, помните?

– Погода была просто мерзость, – дополнила Таисия, скривив лицо, словно жевала лимон.

– Точно, – продолжил отец. – Дождь моросил, кругом лужи. Да и сам по себе город компактный, все рядом, все есть.

Наконец, дослушав проповедь мужа, мама позволила себе допить кофе и улыбнуться по-настоящему. Не той дежурной улыбкой, которой она обычно одаряла коллег – блестящей, но металлической, а абсолютно невооруженной, полной тепла и простоты улыбкой, не имеющей ни заднего входа, ни потайного выхода, улыбкой открытой и чистой, как слеза. Такие моменты стоили дорого, обычно она была гораздо сильнее, но толи суматоха с переездом делала ее более уязвимой, толи чувство вины за то, что всей семье пришлось пожертвовать многим ради ее карьеры, переехав в новый город и начав новую жизнь здесь. Папа шутил по этому поводу, называя себя мужем декабристки, поддерживая свою вторую половину во всех ее начинаниях. И когда пришло то самое время для принятия решения о переезде, он не сомневаясь ни секунды, ответил утвердительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.